

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Хакимова Камола Фаррух кизи

Автор Организация: Ташкентский госуниверситет

юридический университет

E-mail: khkamolakh@mail.ru

Аннотация:

Статья посвящена анализу правовых и институциональных возможностей применения искусственного интеллекта в судопроизводстве Республики Узбекистан. Обосновывается, что после принятия Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года, Указа Президента N УП-140 о внедрении ИИ в деятельность судов и Закона № ЗРУ-1115 от 21.01.2026 года узбекское право перешло от общей цифровизации правосудия к нормативной модели контролируемого судебного ИИ. Центральный тезис исследования состоит в том, что ИИ способен повысить доступность, скорость и предсказуемость судебной защиты, но не может подменять судебное усмотрение, мотивировку и ответственность судьи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, цифровой суд, судебная власть, Узбекистан, алгоритмическая прозрачность, персональные данные.

Актуальность применения искусственного интеллекта в судопроизводстве Республики Узбекистан определяется не технологической модой, а состоянием самой судебной функции. Современный суд одновременно должен быть быстрым и внимательным к индивидуальности спора, открытым и защищающим персональные данные, единообразным и независимым. Именно в этом противоречии ИИ становится юридически значимым: он обещает устранить задержки, дублирование и информационную асимметрию, но одновременно способен незаметно изменить распределение ответственности между судьей, аппаратом суда, разработчиком, оператором данных и государством.

Для Узбекистана вопрос имеет особое значение. Конституция закрепляет независимость судебной власти, право каждого на судебную защиту и презумпцию невиновности, а Закон «О судах» исходит из того, что правосудие осуществляется только судами, судьи независимы и не подотчетны по конкретным делам. Следовательно, внедрение ИИ в суд не может оцениваться только как внедрение программного продукта, наоборот оно затрагивает пределы судебной власти, процессуальную форму, равенство сторон и доверие к судебному акту.[1,2]

До недавнего времени цифровизация правосудия в Узбекистане развивалась преимущественно как электронный документооборот, дистанционные обращения, публикация судебных актов, электронные платежи и сервисы доступа к информации. Этот этап сформировал важную предпосылку для ИИ: суд получил массивы процессуальных данных, стандартизированные каналы обращения и практику электронного взаимодействия. Однако электронный суд и ИИ-суд - не одно и то же. Электронный суд переводит бумажную процедуру в цифровую форму;

1 Закон Республики Узбекистан от 28.07.2021 г. N ЗРУ-703 «О судах». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/5534928> (дата обращения: 19.05.2026).

2 Конституция Республики Узбекистан: принята всенародным голосованием 08.12.1992 г. (в ред. конституционного закона от 30.04.2023 г.). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/35869> (дата обращения: 19.05.2026).

судебный ИИ начинает предлагать выводы, ранжировать информацию, прогнозировать исход и влиять на поведение участников.

Указ Президента Республики Узбекистан N УП-140 от 21 августа 2025 года является ключевым актом этого перехода. Он прямо ориентирован на эффективное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность судов и цифровизацию судебной системы, предусматривает концепцию «Цифровой суд», поэтапный отказ от бумажного судопроизводства, создание технической инфраструктуры для ИИ, развитие электронного доступа к материалам дела, удаленного участия, электронных платежей и автоматизированной передачи исполнительных документов. Особенно показательно, что в концепции предусмотрена возможность формирования ИИ-прогноза исхода дела и судебных расходов до обращения в суд. Такая функция может снизить число необоснованных исков и стимулировать досудебное урегулирование, но одновременно несет риск: гражданин может воспринять прогноз не как ориентир, а как «предрешение» будущего спора.³

Стратегия развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года закрепляет более широкий политико-правовой контекст: Узбекистан стремится создать правовые, технологические и экономические основы для ИИ, развивать лаборатории, инфраструктуру и ИИ-сервисы, включая государственные цифровые услуги. Для суда это означает, что ИИ не является изолированным экспериментом судебной власти; он включается в государственную цифровую экосистему. Поэтому судебная автономия требует не технологической изоляции, а специальных гарантий: судебные данные, судебные модели и судебные прогнозы должны регулироваться жестче, чем обычные административные сервисы.⁴

Наиболее важное ограничение внесено Законом N ЗРУ-1115 от 21 января 2026 года. В Закон «Об информатизации» добавлено правило, согласно которому при принятии юридически значимых решений, влияющих на права и свободы человека, не допускается исключительно полагаться на выводы информационных систем, основанных на технологиях ИИ. Кроме того, незаконная обработка персональных данных с использованием ИИ получила самостоятельное значение в системе административной ответственности. Это правило фактически вводит для Узбекистана принцип «человеческого юридического решения»: ИИ может быть источником информации или аналитической поддержки, но не должен быть единственным основанием правового результата.⁵

В сфере персональных данных судебный ИИ сталкивается с особой чувствительностью. Судебное дело обычно содержит сведения о личности, семейной жизни, имуществе, здоровье, трудовых отношениях, обвинении, коммерческой тайне и иногда государственной тайне. Закон «О персональных данных» распространяется на обработку данных независимо от применяемых

3 Указ Президента Республики Узбекистан от 21.08.2025 г. N УП-140 «О дополнительных мерах по эффективному внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность судов и цифровизации судебной системы». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/7696571> (дата обращения: 19.05.2026).

4 Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024 г. N ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606> (дата обращения: 19.05.2026).

5 Закон Республики Узбекистан от 11.12.2003 г. N 560-II «Об информатизации». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/82956> (дата обращения: 19.05.2026).

6 Закон Республики Узбекистан от 21.01.2026 г. N ЗРУ-1115 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием сферы применения искусственного интеллекта». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/8011377> (дата обращения: 19.05.2026).

средств, требует защиты конфиденциальности, целостности и предотвращения незаконной обработки; отдельные категории данных подлежат особому режиму хранения и обработки. Следовательно, использование общедоступных генеративных моделей для анализа непубличных материалов дела без локализации, обезличивания и договорно-технических гарантий должно рассматриваться как юридически рискованное.⁷

Практическая база для такого перехода уже существует. Система E-SUD, развивавшаяся при участии Верховного суда, USAID и UNDP, была запущена еще в 2014 году и стала одним из инструментов электронного ведения гражданских дел; современные порталы Верховного суда и MySudUz предоставляют электронные обращения, доступ к судебным сервисам, платежам, графикам заседаний и судебным документам. В этой связи перспективный вопрос состоит не в том, «можно ли» внедрять ИИ в суды Узбекистана, а в том, какие функции допустимы, какие требуют специальной сертификации и какие должны быть исключены как несовместимые с правосудием.⁸

Международные стандарты в сфере судебного ИИ сходятся в одном, что технология не должна разрушать фундаментальные права и право на справедливое судебное разбирательство. Европейская этическая хартия 2018 года формулирует пять базовых принципов:

1. уважение основных прав; недискриминация; качество и безопасность; прозрачность, беспристрастность и справедливость;
2. контроль со стороны пользователя.

Для суда особенно важен последний принцип: пользователь, включая судью и сторону, не должен быть заложником алгоритма, а должен иметь возможность понимать и оспаривать его влияние.⁹

Рекомендация UNESCO об этике ИИ и принципы OECD расширяют этот подход до общей модели надежного ИИ: человеческое достоинство, права человека, прозрачность, безопасность, подотчетность, устойчивость, инклюзивность и демократический контроль. Конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте 2024 года имеет особое значение, поскольку переводит этический язык в юридическую плоскость: жизненный цикл ИИ должен согласовываться с правами человека, демократией и верховенством права. Для судебной власти это означает, что алгоритм не может быть «черным ящиком» даже тогда, когда он коммерчески эффективен или статистически точен.¹⁰¹¹

Из международных стандартов вытекают четыре минимальных требования к судебному ИИ. Первое - должно быть известно, какие ИИ-системы используются судами и для каких задач.

7 Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 г. N ЗРУ-547 «О персональных данных». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4396428> (дата обращения: 19.05.2026).

8 UNDP Uzbekistan. E-SUD rises to the COVID-19 challenge. 08.06.2020. URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/blog/e-sud-rises-covid-19-challenge> (дата обращения: 19.05.2026); MySudUz - интерактивные судебные услуги. URL: <https://my.sud.uz/> (дата обращения: 19.05.2026).

9 European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Strasbourg, 2018. URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment> (дата обращения: 19.05.2026).

10 Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 19.05.2026).

11 UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 19.05.2026); OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449, 2019, updated 2024. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (дата обращения: 19.05.2026).

Второе - если вывод ИИ повлиял на организацию дела, прогноз, распределение нагрузки или подготовку проекта, участники должны иметь возможность узнать об этом в объеме, не нарушающем тайну совещательной комнаты. Третье - результат ИИ должен проверяться человеком и воспроизводиться через данные, критерии и логическую схему. Четвертое - отказ от фразы «так решил алгоритм» как юридического объяснения.

Для практического правоприменения предлагается разделить судебные ИИ-функции на три уровня. Первый уровень - низкорисковые административно-технические функции. К ним относятся распознавание и перевод речи, автоматическая стенограмма, классификация входящих обращений, напоминания о сроках, расчет госпошлины, поиск по базе судебных актов, обезличивание публикуемых решений, проверка комплектности документов. Эти функции допустимы при соблюдении требований к персональным данным, кибербезопасности и возможности человеческой проверки.

Второй уровень - высокорисковые вспомогательные аналитические функции. Это прогноз исхода дела, оценка вероятности примирения, подбор релевантной практики, выявление противоречий в материалах дела, суммаризация доказательств, предварительная оценка судебных расходов. Они не должны быть запрещены сами по себе, но требуют специальных гарантий: валидации на национальных данных, независимого аудита, журналирования, раскрытия факта использования, указания ограничений модели и обязательной возможности для судьи и сторон не согласиться с выводом. Здесь и проявляется смысл ЗРУ-1115: юридически значимое решение не может быть построено только на выводе ИИ.

Третий уровень - недопустимые или условно недопустимые функции в действующей модели правосудия. К ним относятся автоматическое вынесение судебного акта без судьи; автоматическое признание виновности; автоматическое назначение наказания или меры пресечения; закрытая ИИ-оценка личности, риска или достоверности показаний, которую сторона не может проверить; использование публичных генеративных моделей для анализа закрытых материалов дела без правового основания и защиты данных. Такие функции затрагивают независимость суда, презумпцию невиновности, равенство сторон и право на мотивированное решение.

Особое место занимают генеративные модели. Они полезны для составления черновиков, резюме, поиска аргументов и структурирования материалов, но опасны из-за галлюцинаций. Для Узбекистана это означает необходимость специального стандарта, например, любой текст, подготовленный с использованием генеративного ИИ и подаваемый в суд, должен быть проверен человеком по первоисточникам; судья не должен ссылаться на ИИ как на источник права.¹²

Искусственный интеллект в судопроизводстве Узбекистана имеет значительный потенциал, но его правовая ценность состоит не в замене судьи, а в освобождении судьи от технической нагрузки, расширении доступа граждан к правосудию и повышении качества работы с судебной информацией. Узбекское законодательство уже содержит важный защитный каркас: независимость суда и судебная защита в Конституции, Закон «О судах», стратегия ИИ до 2030 года, УП-140 о «Цифровом суде», ЗРУ-1115 с запретом исключительно полагаться на ИИ при юридически значимых решениях, Закон «О персональных данных» и Этические правила ИИ.

12 Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023); Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // arXiv. - 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.01301> (дата обращения: 19.05.2026).

Главная перспектива состоит в создании не «автоматического правосудия», а проверяемой цифровой судебной среды. В такой среде ИИ помогает искать, переводить, суммировать, предупреждать, прогнозировать и организовывать, но не лишает человека права быть услышанным человеческим судом. Наиболее безопасная формула для Узбекистана – это, когда ИИ допустим настолько, насколько он усиливает мотивированность, доступность и равенство судебной защиты. Он недопустим настолько, насколько превращает судебное решение в непрозрачный статистический вывод.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Узбекистан от 28.07.2021 г. N ЗРУ-703 «О судах». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/5534928> (дата обращения: 19.05.2026).
2. Конституция Республики Узбекистан: принята всенародным голосованием 08.12.1992 г. (в ред. конституционного закона от 30.04.2023 г.). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/35869> (дата обращения: 19.05.2026).
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 21.08.2025 г. N УП-140 «О дополнительных мерах по эффективному внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность судов и цифровизации судебной системы». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/7696571> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024 г. N ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606> (дата обращения: 19.05.2026).
5. Закон Республики Узбекистан от 11.12.2003 г. N 560-II «Об информатизации». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/82956> (дата обращения: 19.05.2026).
6. Закон Республики Узбекистан от 21.01.2026 г. N ЗРУ-1115 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием сферы применения искусственного интеллекта». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/8011377> (дата обращения: 19.05.2026).
7. Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 г. N ЗРУ-547 «О персональных данных». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4396428> (дата обращения: 19.05.2026).
8. UNDP Uzbekistan. E-SUD rises to the COVID-19 challenge. 08.06.2020. URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/blog/e-sud-rises-covid-19-challenge> (дата обращения: 19.05.2026);
9. MySudUz - интерактивные судебные услуги. URL: <https://my.sud.uz/> (дата обращения: 19.05.2026).
10. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Strasbourg, 2018. URL:

- <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment> (дата обращения: 19.05.2026).
11. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 19.05.2026).
  12. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 19.05.2026); OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449, 2019, updated 2024. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (дата обращения: 19.05.2026).
  13. Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023); Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // arXiv. - 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.01301> (дата обращения: 19.05.2026).